

— Прекрати то, что ты делаешь, — приказал Ван Дейк.

Тело Людвига тут же застыло. Его тело, ставшее рабом приказов тёмного мага, было приковано к месту. Он не мог двигаться, не мог действовать, кроме как по воле колдуна.

— Я уверен, что просканировал твой разум, — пробормотал Ван Дейк низким задумчивым голосом, обходя Людвига. — В тебе невероятно мало мыслей и чувств.

Темный маг, казалось, разговаривал больше сам с собой, чем с Людвигом, продолжая расхаживать вокруг скелета. Его рука в перчатке покоилась под подбородком, глаза сузились, как будто он пытался разгадать какую-то невидимую головоломку.

"Видишь ли, для большинства немертвых трудно отдавать им сложные или значимые приказы до того, как они достигнут определенного уровня эволюции", - продолжил Ван Дейк. "Для тебя, однако... Ты в самом низу цепочки. Пехотинец-скелет. Не воин, не лучник, даже не один из редких магов-скелетов. Ты низший из низших — тот, кого даже не следует считать настоящим солдатом. Ты всего лишь хрупкий подопытный кролик, едва ли пригодный для чего-либо.

Он постучал по обесцвеченным костям Людвига, словно подчёркивая, насколько хрупким на самом деле был скелет.

«И всё же, — размышлял Ван Дейк, — с каждой эволюцией нежить растёт. В битвах, в бесконечных убийствах они эволюционируют, обретая разум, силу и, в конечном счёте, независимость. Скелет-мечник может стать элитным воином, а ещё дальше — заслужить имя. Ещё реже встречаются те, кто возвышается до рыцарей смерти. За всю свою шестисотлетнюю жизнь я лишь раз или два становился свидетелем такой трансформации».

Взгляд Ван Дейка стал более пристальным и любопытным. «Но ты... ты демонстрируешь признаки, выходящие далеко за рамки возможного. Черты, схожие с интеллектом Рыцаря Смерти, и при этом ты едва ли на первом уровне. Ты ещё не совершил своё первое убийство, даже не отточил ни одну из своих способностей, и всё же — всё же — ты следуешь моим приказам с точностью, которой не должно быть у рядового».

Несуществующее сердце Людвига, или то, что могло быть его духом, пульсировало от тревоги. Чем больше Ван Дейк изучал его, тем опаснее становилось его любопытство. Когда тёмный маг в четвёртый раз обошёл Людвига, в его словах послышалось разочарование.

«Что беспокоит меня больше всего, так это не твоя неспособность понять меня, а те двое глупцов, которые испортили твоё воскрешение. Они считают себя способными тёмными магами, но они погубили тебя ещё до того, как ты смог стать кем-то ценным. Если бы они подождали, позволили тебе вырасти как герою, а потом убили тебя... ты мог бы стать элитой. Даже Рыцарем Смерти. Но теперь? Посмотри на себя — просто ходячая груда костей, которая едва может прибраться в комнате».

Слова были небрежными, пренебрежительными, но они несли угрозу, от которой у Людвига похолодела душа. Ван Дейк видел в нем не более чем неудачный эксперимент — упущенную возможность. И Людвиг слишком хорошо знал, как люди вроде Мастера Башни относились к своим неудачам. Он не был ценным; в нем не было нужды. Мысль о том, что его могут отвергнуть — или того хуже — нависла над ним темной тучей.

Но Ван Дейк ещё не закончил. Его глаза сверкали злобой, но также и интригой.

— Это не ускользнуло от моего внимания, — сказал Ван Дейк, понизив голос до опасного

шёпота. — Ты пыталась повторить моё заклинание.

Мысли Людвига бешено скакали. Он думал, что действует незаметно, что его попытка воспроизвести магию тёмного мага осталась незамеченной, но, очевидно, ничто не ускользало от взгляда Мастера Башни. Его душа дрожала, как будто в груди внезапно застучало прозрачное сердце.

— И это меня интригует, — продолжил Ван Дейк, не сводя взгляда с пустых глазниц Людвига.
— Не уклоняйся.

Рука Мастера Башни шевельнулась, и в тот же миг вспыхнуло то же самое чёрное пламя, которое он вызвал раньше. Оно кружилось со смертоносной энергией, голодное и дикое. На этот раз сила, стоящая за ним, была осязаемой — грубой и жестокой.

[Вы находитесь во враждебном окружении!]

[Сила грядущего заклинания уничтожит тебя и отправит на вечный покой!]

[Ты не можешь двигаться!]

Всё существо Людвига застыло в ужасе. Он хотел пошевелиться, хотел увернуться, но сковывающая магия, державшая его в плену, не позволяла ему этого. Он был рабом Ван Дейка, вынужденным стоять и смотреть, как смертоносная магия устремляется к его виску. Чёрное пламя со свистом рассекло воздух, сбив несколько книг, и проложило путь к черепу Людвига.

А потом... это прекратилось.

Смертоносное пламя остановилось всего в нескольких миллиметрах от костей Людвига, достаточно близко, чтобы он почувствовал его жар, но всё же. Ухмылка Ван Дейка стала шире, когда он посмотрел на своего пленника.

— Ты действительно покорен, — сказал Ван Дейк, убирая руку. — На мгновение мне показалось, что ты не полностью под моим контролем. Но теперь я вижу, что ошибался.

Напряжение в комнате не спадало. Скорее, оно усилилось, когда Ван Дейк снова подошел ближе, держа мерцающий черный огонек перед лицом Людвига.

— Ты знаешь, что это? — спросил Ван Дейк вкрадчивым и насмешливым голосом. — Это Тёмное Пламя — одно из моих самых ценных творений. Это пламя, которое поглощает не только физическую оболочку, но и саму сущность цели. Но если бы это было всё, меня бы не называли Повелителем Башни, не так ли?

Он уменьшил пламя до едва заметного язычка, который всё ещё пульсировал той же зловещей энергией.

«Это заклинание использует как ману, так и демоническую энергию, ради которой мне пришлось пожертвовать своей душой. Однако ты, как нежить, уже в некоторой степени обладаешь демонической энергией. Она омрачает само твое существование. Теоретически ты мог бы научиться использовать эту магию, чтобы накладывать проклятия, сглазы и ослабляющие заклинания, которые ослабляют врагов. Тёмные маги, такие как я, не полагаются на грубую силу — мы полагаемся на способность истощать и ослаблять наших врагов, чтобы потом разорвать их на части с помощью самых простых заклинаний. Зачем сражаться с сильными, если можно убить слабых?»

Тон Ван Дейка изменился, став более поучительным. Казалось, ему нравилось объяснять нюансы темной магии, возможно, потому, что у него редко была аудитория, достаточно умная, чтобы понять это.

— А теперь ты, — продолжил он. — Я хочу посмотреть, на что ты способен. Воспроизведи этот огонёк.

Приказ. У Людвига не было выбора, кроме как подчиниться.

Подняв палец, Людвиг почувствовал, как внутри него зашевелилась мана. Это было странно — чужеродно, но в то же время знакомо. Она текла сквозь него, как будто всегда была там, ожидая, когда её используют. Но Людвиг никогда не был магом, его не учили пользоваться магией. Он впервые попытался использовать ману, и всё же это казалось естественным.

Мана собралась на кончике его костлявого пальца, превратившись в слабый светящийся огонёк. На долю секунды Людвиг почувствовал прилив воодушевления — он сделал это. Он направил магию. Он взял её под контроль. Но как только огонёк сформировался, он погас и исчез, растворившись в пустоте.

Для Людвига этот краткий миг волшебства стал триумфом. Для Ван Дейка это было разочарованием.

— Жалкое зрелище, — вздохнул Ван Дейк, прищурившись. — Тебе удалось пошевелиться, но ты понятия не имеешь, что делаешь. Твое тело подчинялось приказу, а не твоей воле. Это подтверждает, что ты всего лишь марионетка, способная лишь на самые простые действия. Я надеялся, что в тебе есть что-то еще, но, похоже, ты ничем не лучше остальных. Пустая трата души призванного героя.

Он повернулся спиной к Людвигу и направился к выходу из кабинета. Его движения были плавными, уверенными — он решил, что Людвиг больше не стоит его времени. Остановившись у вешалки, Ван Дейк накинул на плечи длинное струящееся пальто и в последний раз оглянулся на Людвига.

— Продолжайте убирать комнату, — приказал он. С этими словами он вышел из кабинета, хлопнув за собой тяжёлой дверью.

Людвиг несколько мгновений стоял неподвижно, обдумывая слова Ван Дейка. Он снова был один. По-настоящему один.

И свободен. По крайней мере, на данный момент.

Он испустил вздох облегчения — в переносном смысле, конечно. Его кости заскрипели, когда он позволил напряжению уйти. Тёмный маг ушёл, и хотя Людвиг всё ещё был связан с ним, эти краткие мгновения свободы, какими бы короткими они ни были, были всем. Он всё ещё был здесь, всё ещё существовал. Всё ещё думал.

И пока он мог думать, оставалась надежда